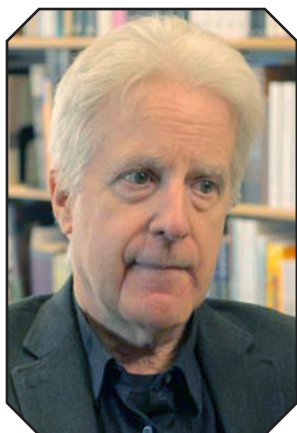

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Джонатан Крэри

24/7. Поздний капитализм и цели сна

КРЭРИ Джонатан — профессор в области современного искусства и теории имени Меайера Шапиро в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Адрес: США, NY 10027, г. Нью-Йорк, ул. Амстердам авеню, д. 1190.

Email: jkc4@columbia.edu

*Перевод с английского
Андрея Васильева*

Источник: Крэри Дж. 2021 (готовится к изданию). 24/7. Поздний капитализм и цели сна. Перев. с англ. А. Васильева. М.: Изд. дом ВШЭ.

В книге «Поздний капитализм и цели сна» («Late Capitalism and the Ends of Sleep») Джонатан Крэри исследует некоторые из разрушительных последствий непрерывных и расширяющихся процессов, характерных для капитализма XXI века, когда рынок непрерывно работает в режиме 24/7, подталкивая нас к постоянной активности и подтачивая многие формы общественного и политического самовыражения. Автор прослеживает, как неостановимое не-время размывает границы между вездесущим и безудержным потребительством и складывающимися сегодня стратегиями контроля и надзора; описывает постоянное управление человеческим вниманием и нарушение восприятия в рамках принудительных практик современной технологической культуры. В то же время человеческий сон, будучи целительной передышкой, по своей сути, несовместимой с капитализмом 24/7, указывает на другие — более грозные и коллективные — способы отказа от разрушающих мир моделей роста и накопления.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги. В этой главе автор анализирует причины эрозии сна и обозначает роль в этом современного капитализма, а также выделяет основные характеристики мироустройства 24/7 и последствия такого режима для человека.

Глава 1

Любой, кто жил на Западном побережье Северной Америки, наверное, прекрасно знает, что каждый год сотни видов птиц совершают сезонные перелёты на юг и на север на различные расстояния вдоль континентального шельфа. Один из таких видов птиц — белоголовая зонотрихия. Осенью путь этой птахи лежит от Аляски на север Мексики, весной — обратно. В отличие от большинства других птиц, эта разновидность воробья обладает крайне необычной способностью обходиться без сна — до семи дней во время перелёта. Такое сезонное поведение позволяет по ночам лететь и находить дорогу, а днём добывать пищу без перерывов на отдых. За последние пять лет Министерство обороны США потратило немалые деньги на исследование этого феномена. Учёные, финансируемые государством, в различных университетах, особенно в Мэдисоне (штат Висконсин), изучают мозговую активность птиц во время долгих бессонных периодов, надеясь получить знания, применимые к человеку, и стремятся найти способ дать людям возможность не спать и при этом работать продуктивно и эффективно. Конечная цель — ни много ни мало создание бессонного солдата; а сам проект по изучению белоголовой зонотрихии — лишь небольшая часть более широких усилий со стороны военных по достижению хотя бы ограниченной власти над человеческим сном. По инициативе подразделе-

ния перспективных исследований Пентагона (DARPA)¹ учёные в нескольких лабораториях проводят экспериментальные испытания методов отключения сна, в том числе применяя нейрохимические препараты, генную терапию и транскраниальную магнитную стимуляцию. Ближайшая цель — разработка методов, позволяющих комбатанту не спать в течение хотя бы семи суток, а в более долгосрочной перспективе, возможно, как минимум удвоить этот временной промежуток с сохранением высокого уровня умственной и физической работоспособности. Существующие способы вызвать бессонницу всегда связаны с каким-либо серьёзным когнитивным и психологическим ущербом (например, со снижением бдительности). Так обстоит дело с амфетаминами, широко использовавшимися в большинстве войн XX века, а в последнее время с такими препаратами, как провигил. Вызов для научного сообщества состоит в данном случае не в том, чтобы найти способы стимулировать бодрствование, а в том, чтобы сократить саму *потребность* организма в сне.

На протяжении более двух десятилетий стратегическая логика военного планирования США направлена на устранение живого человека из многих звеньев аппарата управления, контроля и исполнения. Бесчисленные миллиарды долларов потрачены на разработку роботизированных и других дистанционно управляемых систем обнаружения и уничтожения цели, плачевные результаты чего можно было наблюдать в Пакистане, Афганистане и других странах. Однако, несмотря на экстравагантные заявления о новых парадигмах в области вооружений и постоянные жалобы военных аналитиков на человека как на аномальное «узкое место» в работе передовых систем, потребность военных в больших человеческих армиях в обозримом будущем не снизится. Исследование бессонницы следует понимать как элемент подготовки к созданию солдат, чьи физические возможности будут ближе к функциональности неодоушевлённых устройств и сетей. В настоящий момент военно-научный комплекс прилагает огромные усилия для разработки форм «расширенного восприятия», усовершенствующих различные виды взаимодействия между человеком и машиной. Одновременно с этим военные финансируют и многие другие области исследований мозга, в том числе разработку лекарства против страха. Могут возникнуть ситуации, когда нельзя будет использовать, например, вооружённые ракетами беспилотники, и для выполнения миссий неопределённой продолжительности понадобятся эскадроны смерти, состоящие из не требующих сна, не знающих страха командос. В рамках этих усилий белоголовые зонотрихии были вырваны из сезонных ритмов природной среды Тихоокеанского побережья, чтобы помочь подогнать человеческое тело к машинным стандартам долговечности и эффективности. Как видно из истории, инновации, связанные с войной, неизбежно просачиваются в более широкую социальную сферу, и бессонный солдат окажется предшественником бессонного рабочего или потребителя. Препараты, предназначенные для того, чтобы не спать, когда их начнут активно продвигать фармацевтические компании, станут вначале удобным вариантом для некоторых, а в конце концов необходимостью для многих.

Рынки, работающие в режиме 24/7, и глобальная инфраструктура, *созданные* для непрерывной работы и потребления, уже существуют некоторое время, но в настоящий момент дело идёт к созданию человеческого существа, совместимого с этим ритмом.

В конце 1990-х гг. российско-европейский космический консорциум объявил о планах создания и запуска на орбиту спутников, которые должны отражать солнечный свет вниз, на Землю. Эта схема предусматривала вывод на синхронизированные с Солнцем орбиты высотой 1700 километров множества спутников, оснащённых складными параболическими рефлекторами из тонкого, как бумага, материала. После полного их раскрытия (до 200 метров в диаметре) каждый спутник-зеркало способен освещать на Земле территорию площадью 10 квадратных миль с яркостью, почти в 100 раз превышающей яркость лунного света. Первоначальный импульс развития проекта — необходимость освещения про-

¹ The Defense Advanced Research Projects Agency (Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США).

мышленных предприятий по разработке природных ресурсов в отдалённых географических районах с долгими полярными ночами (Сибирь и запад России) для проведения круглосуточных работ на открытом воздухе. Впоследствии, однако, компания расширила свои планы, включив в них возможность поставки ночного освещения для мегаполисов. Исходя из того что реализация плана способна снизить расход электроэнергии на электрическое освещение, компания рекламировала свои услуги как «дневной свет всю ночь напролёт». Противодействие проекту возникло сразу и со многих сторон. Астрономов привели в ужас возможные негативные последствия для большей части наземных наблюдений космоса. Учёные и защитники окружающей среды заявили о пагубных физиологических последствиях как для животных, так и для людей, поскольку отсутствие регулярного чередования ночи и дня нарушит различные метаболические процессы, включая сон. Были также протесты со стороны культурных и гуманитарных групп, утверждавших, что ночное небо — это общее достояние, на доступ к которому имеет право всё человечество, а ночная темнота и звёздное небо — одно из базовых прав человека, и оно не может быть аннулировано никакими корпорациями. Однако если это действительно право (или привилегия) в каком бы то ни было смысле, то его уже лишено более половины населения мира, живущего в городах, постоянно окутанных пеленой смога и яркого освещения. Тем не менее защитники проекта утверждали, что такая технология поможет снизить потребление электроэнергии в ночное время, потеря ночного неба и его темноты не такая уж большая плата за сокращение глобального потребления энергии. В любом случае эта оказавшаяся нежизнеспособной затея — лишь одно из проявлений современного воображаемого, для которого состояние постоянного освещения неотделимо от непрерывного потока глобальных обменов. В своём предпринимательском рвении проект гиперболически выражает институциональную нетерпимость ко всему, что создаёт помехи активно используемому и никогда не прекращающемуся состоянию всеобщей видимости.

Одной из попыток, которые применялись к многочисленным жертвам «внесудебной выдачи» американским властям, а также к другим лицам, помещённым под стражу после событий 11 сентября 2001 г., было лишение сна. Факты, касающиеся одного из задержанных, стали широко известны, но с подобным же обращением столкнулись сотни других людей, чьи судьбы не так хорошо задокументированы. Мохаммеда аль-Кахтани пытали в соответствии с инструкцией, известной сегодня как «Первый особый план допроса» Пентагона и утверждённой Дональдом Рамсфелдом. Аль-Кахтани почти не давали спать в течение двух месяцев, когда его подвергали допросам, длившимся часто по 20 часов. Его держали в крошечных камерах, где невозможно было лежать, горели яркие лампы и играла громкая музыка. Среди военных разведчиков эти камеры известны как «тёмные места», хотя одна из локаций, в которые был заключён аль-Кахтани, носила кодовое название «Лагерь “Яркие огни”». Это, конечно, не первый случай, когда американцы или их марионетки использовали лишение сна. В некотором смысле ошибочно выделять именно эту пытку, потому что для Мохаммеда аль-Кахтани и многих других лишение сна было лишь частью более широкой программы избиений, унижений, длительного ограничения возможности двигаться и имитации утопления. Большинство этих «программ» для заключённых без суда и следствия людей разрабатывались психологами из консультативных групп по поведенческой науке на индивидуальной основе, чтобы использовать обнаруженные ими эмоциональные и физические слабости.

Пытки лишением сна были известны много веков назад, но начало их систематического применения совпадает с появлением электрического освещения и средств продолжительного усиления звука. Они регулярно стали практиковаться сталинскими спецслужбами в 1930-х гг. Лишение сна — обычно первый этап того, что палачи из НКВД называли конвейером, то есть организованной последовательностью жестокостей, бесполезного насилия, наносящих человеку непоправимый вред. Через относительно короткий промежуток времени лишение сна вызывает психоз, а через несколько недель приводит к неврологическим нарушениям. В таких экспериментах крысы умирают после двух или трёх недель. Бессонница приводит к состоянию крайней беспомощности и уступчивости, при котором жертва теря-

ет способность к осмыслению информации — человек признается в чём угодно. Лишение сна — это насильственное отчуждение человеческого «я» с помощью внешней силы, преднамеренное уничтожение человеческой личности.

Соединённые Штаты, конечно, уже давно применяют пытки как напрямую, так и через свои клиентские режимы. Однако примечательна лёгкость, с которой после 11 сентября применение пыток стало предметом общественного обсуждения в качестве всего лишь одной из спорных тем среди множества других. Многочисленные опросы показывают, что большинство американцев одобряют пытки при определённых обстоятельствах. Средства массовой информации последовательно отвергают утверждение, что лишение сна — это пытка. Оно классифицируется как психологический метод убеждения, для многих приемлемый наравне с принудительным кормлением заключённых, объявивших голодовку. Как сообщила Джейн Майер в своей книге «Тёмная сторона», лишение сна цинично оправдывается в документах Пентагона тем фактом, что американские «морские котики» выполняют тренировочные миссии без сна в течение двух дней [Mauger 2008: 206]. Важно отметить, что обращение с так называемыми особо важными заключёнными в Гуантанамо и других местах сочетало открытые пытки с полным контролем над сенсорно-перцептивной сферой. Людей держали в постоянно освещённых камерах, без окон, а всякий раз, когда их выводили из камер, им завязывали глаза и затыкали уши, чтобы они не могли узнать время суток и получить какую бы то ни было информацию, указывающую на их местонахождение. Этот режим перцептивной депривации часто распространяется на рутинные ежедневные контакты между заключёнными и охранниками, во время которых охранники полностью скрыты бронёй, перчатками и шлемами с зеркальными щитками, чтобы отсутствовала какая-либо визуальная связь с человеческим лицом или хотя бы дюймовой открытой кожи. Данные методы и процедуры вызывают состояние унижительного подчинения; происходит создание мира, полностью исключающего возможность заботы, защиты или утешения.

Эта конкретная комбинация недавних событий даёт удобный угол обзора некоторых из многочисленных последствий нелиберальной глобализации и более длительных процессов западной модернизации. Я не собираюсь придавать данной группе событий какое-либо привилегированное объяснительное значение; скорее, они позволяют бросить первый взгляд на отдельные парадоксы расширяющегося, постоянно движущегося жизненного мира капитализма XXI века — парадоксы, неотделимые от меняющихся конфигураций сна и бодрствования, света и тьмы, справедливости и страха, а также от разных форм незащищённости и уязвимости. Мне могут возразить, что я выделил исключительные или экстремальные явления, но если это так, то они неотъемлемы от уже ставших нормативными траекторий и условий в других местах. Одно из этих условий можно охарактеризовать как укладывание человеческой жизни в одну бесконечную длительность, определяемую принципом непрерывности функционирования. Это время, которое никогда не проходит, время, лежащее за пределами стрелок часов.

За пустотой стандартной формулы «24/7» скрывается статическая избыточность, отрицающая связь с ритмическими и периодическими структурами человеческой жизни и подразумевающая произвольную, негибкую схему недели, оторванную от любого варианта развёртывания текущего или совокупного опыта. Скажем, например, «24/365» будет уже означать не то же самое, поскольку эта формула вводит громоздкое предположение о расширенной темпоральности, в которой по факту что-то может измениться, могут произойти непредвиденные события. Как я упоминал вначале, многие учреждения в развитом мире уже несколько десятилетий работают в режиме 24/7. Но лишь недавно формирование, моделирование индивидуальной и социальной идентичности было реорганизовано так, чтобы соответствовать непрерывному функционированию рынков, информационных сетей и других систем. Окружающая среда 24/7 имеет подобие социального мира, но на самом деле это асоциальная модель машинной деятельности и приостановки жизни, не раскрывающая человеческие затраты, необходимые для поддержания её эффективности. Её следует отличать от того, что Д. Лукач и другие в начале

XX века определили как пустое, однородное время модерна, метрическое или календарное время наций, финансов или промышленности, из которого исключены надежды или планы отдельного человека. Новым является полный отказ от притязаний на связь времени с какими-либо долгосрочными проектами или хотя бы фантазиями о «прогнесе» или развитии. Освещённый 24/7 мир без теней — это последний капиталистический мираж постистории, изгнания инаковости, двигателя исторических изменений.

Вселенная 24/7 — это время безразличия, перед лицом которого хрупкая человеческая жизнь становится чем-то всё более неадекватным. Внутри этого мира сон не является чем-то необходимым или неизбежным. Что касается труда, то идея работы без пауз делается правдоподобной, даже нормальной. Происходит равнение на неодушевлённое, инертное, нестареющее. Как в рекламном призыве, устанавливается абсолютность доступности и, следовательно, неустойчивость потребностей и их разжигания, вечная невозможность их удовлетворения. Отсутствие ограничений на потребление имеет не только временное измерение. Давно миновала та эпоха, когда накапливались в основном вещи. Теперь наши тела и личности ассимилируют постоянно растущий наплыв услуг, изображений, процедур, химикатов, превышая токсичный, а часто и фатальный порог. Долгосрочным выживанием индивида всегда можно пожертвовать, если появляется даже косвенная возможность перерывов, когда он не совершает покупок и не видит рекламу. Сходным образом режим 24/7, неотделимый от экологической катастрофы, настаивает на постоянных тратах, на бесконечной расточительности, необходимых для его поддержания, и смертоносно нарушает циклы и сезоны, от которых зависит целостность природной среды.

Сон в своей глубокой бесполезности и неизбежной пассивности, с неисчислимыми потерями рабочего времени, обращения и потребления, которые он несёт, всегда будет противоречить требованиям вселенной 24/7. Огромная часть нашей жизни, которую мы проводим во сне, свободная от трясины симулированных потребностей, одно из величайших оскорблений, наносимых человеком ненасытности современного капитализма. Сон — это бескомпромиссное вмешательство в кражу нашего времени капитализмом. Большая часть, казалось бы, фундаментальных потребностей человеческой жизни (голод, жажда, сексуальное желание, а теперь и потребность в дружбе) уже преобразована в товарную или приносящую доход форму. Сон задаёт собой идею человеческой потребности и промежутка времени, которые нельзя колонизировать и использовать для массового получения прибыли, поэтому остаётся несообразной аномалией и местом кризиса в глобальном настоящем. Несмотря на все научные исследования в этой области, сон нарушает и запутывает все стратегии по его использованию или изменению. Невероятная, немислимая реальность состоит в том, что из него невозможно извлечь ничего, что имело бы какую-то цену.

Учитывая безмерность того, что поставлено на карту с экономической точки зрения, неудивительно, что сегодня повсюду происходит эрозия сна. В течение XX столетия предпринимались постоянные попытки сократить время сна. Сегодня средний взрослый в Северной Америке спит примерно шесть с половиной часов в сутки в сравнении с восемью часами всего поколение назад и (как ни трудно в это поверить) с десятью часами в начале XX века. В середине XX века популярная присказка о том, что «треть нашей жизни мы спим», казалась аксиоматической несомненностью. Теперь эта несомненность утрачивает свою силу. Сон — повсеместное, но невидимое напоминание о так и не изжитой до конца досовременности, об аграрной вселенной, которая начала исчезать 400 лет назад. Постыдный сон укоренён в нашей жизни и связан с ритмическими колебаниями солнечного света и тьмы, активности и отдыха, работы и восстановления сил, выкорчеванных ныне или сдерживаемых повсюду. Конечно, как и всё, что считается естественным, сон имеет богатую историю изучения. Он никогда не воспринимался чем-то монолитным или одинаковым и на протяжении многих веков и тысячелетий принимал множество разнообразных форм и паттернов. В 1930-е гг. Марсель Мосс включил вопросы сна и бодрствования в своё исследование «Техники тела», в котором показал, что многие аспекты, казалось бы,

инстинктивного поведения на самом деле приобретаются тысячами разных способов через подражание или обучение. Тем не менее можно предположить, что в огромном разнообразии досовременных аграрных обществ представления о сне имели некоторые ключевые общие черты.

К середине XVII века сон утратил стабильное положение, которое он занимал в ставших устаревшими концепциях Аристотеля и мыслителей эпохи Возрождения. Обнаружилась несовместимость его природы с новейшими представлениями о производительности и рациональности. Декарт, Юм и Локк — лишь некоторые из философов, клеймивших сон за ненужность для работы ума или поиска знаний. Сон стал обесцениваться перед лицом привилегий, даваемых сознанию и воле понятиями о полезности, объективности и движимых личными интересами и действиями. Для Локка сон был прискорбным, пусть и неизбежным нарушением предначертанных Богом для людей приоритетов — быть трудолюбивыми и рациональными. Юм в первом же абзаце «Трактата о человеческой природе» перечисляет сон наряду с лихорадкой и безумием в качестве примеров препятствий, стоящих на пути к познанию. К середине XIX века асимметричная взаимосвязь между сном и бодрствованием стала концептуализироваться в иерархических моделях, в рамках которых сон понимался как регресс к низшему и более примитивному образу существования, сопряжённому с подавлением предположительно высшей и более сложной мозговой деятельности. Шопенгауэр — один из немногих мыслителей, которые обернули эту иерархию против самой себя и предположили, что только во сне может обнаружиться «истинное ядро» человеческого существования.

Во многих отношениях неопределённый статус сна следует понимать в связи с конкретной динамикой модерна, которая больше не позволяет организовывать реальность бинарным образом. Гомогенизирующая сила капитализма несовместима с какой-либо внутренней структурной дифференциацией: священное — профанное; карнавальное — будничное; природа — культура; машина — организм и т. д. Любые сохраняющиеся представления о сне как о чём-то естественном становятся неприемлемыми. Конечно, люди будут продолжать спать, и даже огромным мегаполисам по-прежнему будут знакомы ночные промежутки относительного покоя. Тем не менее сегодня сон — это опыт, отрезанный от представлений о необходимости или природе. Теперь он, вслед за многим другим, концептуализируется как изменчивая, но управляемая функция, определяемая только инструментально и физиологически. Недавние исследования показали, что количество людей, которые один или несколько раз за ночь просыпаются, чтобы проверить свои сообщения или данные, растёт в геометрической прогрессии. «Спящий режим» — это одна из на первый взгляд несущественных, но распространённых ныне фигур речи, пришедшая из мира машин и обозначающая устройство, находящееся в состоянии готовности, но почти не потребляющее энергию. Привычный сон превращается просто в состояние отложенного или ограниченного доступа и обеспечения работоспособности. Оно приходит на смену логике включения и (или) выключения: ничто никогда не бывает принципиально выключено, не существует состояния настоящего покоя.

Сон — это иррациональное и недопустимое утверждение о том, что могут существовать пределы совместимости живых существ с предположительно непреодолимыми силами модернизации. Один из известных трюизмов современной критической мысли гласит: неизменных природных данностей не существует — даже смерти, по мнению тех, кто предсказывает, что скоро все мы будем загружать свой разум в цифровое бессмертие. Верить в наличие каких-либо сущностных черт, которые отличают живых существ от машин, говорят нам маститые критики, это наивный самообман. Разве стал бы кто-нибудь противиться, вопрошают они, если новые лекарства позволили бы ему трудиться на своей работе по 100 часов подряд? Разве более гибкое и менее продолжительное время сна не означало бы больше личной свободы, возможности ещё точнее подстраивать свою жизнь к индивидуальным потребностям и желаниям? Разве меньшее количество сна не даёт больше шансов «жить полной жизнью»? Могут возразить, что человек так уж устроен, что должен спать по ночам, что наши тела равняются на суточ-

ное вращение нашей планеты и поведение, зависящее от времени года и времени суток, характерно почти для каждого живого существа. Ответом на что, вероятно, будет следующее: вредные глупости в духе нью-эйдж или, хуже того, зловещая тоска по хайдеггеровской связи с землёй. Что ещё важнее, в рамках глобалистской неолиберальной парадигмы сон — для неудачников.

В XIX веке, как хорошо показал Ансон Рабинбах в работе по физиологии утомления, после самых вопиющих злоупотреблений в части обращения с рабочими, сопровождавших индустриализацию в Европе, руководство предприятий пришло к осознанию того, что было бы выгоднее давать рабочим хотя бы скромное количество времени для отдыха, чтобы они стали более эффективнее и надёжнее в долгосрочной перспективе. Но начиная с последних десятилетий XX века и по настоящее время с развалом контролируемых или смягчённых форм капитализма в Соединённых Штатах и Европе какая-либо внутренняя потребность в отдыхе и восстановлении сил как компонентах экономического роста и рентабельности пропала. Время для человеческого отдыха и обновления сегодня просто слишком дорого, чтобы быть структурно возможным в рамках современного капитализма. Тереза Бреннан ввела термин «биодерегулирование», чтобы описать резкое несоответствие между функционированием дерегулированных рынков во временном плане и внутренними физическими ограничениями людей, которые должны соответствовать этим требованиям [Brennan 2003: 19–22].

Как показали недавние дебаты по вопросам здравоохранения, снижение долгосрочной прибыльности живого труда не создаёт стимулов, чтобы сделать отдых или здоровье экономическими приоритетами. Ныне почти не осталось сколько-нибудь значительных отрезков человеческого существования (за колоссальным исключением сна), не взятых в оборот в качестве рабочего времени, времени потребления или времени маркетинга. В анализе современного капитализма Люк Болтански и Эв Кьяпелло указали на множество сил, которые ценят человека, постоянно вовлечённого, стыкующегося, взаимодействующего, общающегося, реагирующего или обрабатывающего информацию в рамках той или иной телематической среды [Boltanski, Chiappello 2005]. В богатых регионах земного шара это произошло, как они отмечают, на фоне стирания большей части границ между личным и профессиональным временем, между трудом и потреблением. В их коннективистской парадигме наивысшая ценность придаётся активности как таковой: «Важно что-либо делать, действовать, меняться, ценить любое движение, в отличие от стабильности, часто расцениваемой как бездействие» [Boltanski, Chiappello 2005: 155]. Эта модель деятельности — не какая-либо трансформация более ранней парадигмы трудовой этики, а совершенно новая модель нормативности, требующая для своей реализации темпоральности в режиме 24/7.

Если ненадолго вернуться к упомянутому ранее проекту по запуску огромных орбитальных отражателей солнечного света, которые устранили бы ночную темноту, то в нем есть как будто нечто нелепое, словно бы это низкотехнологичный пережиток чисто механических схем Жюль Верна или первых научно-фантастических романов XX века. Фактически первые экспериментальные запуски оказались более или менее провальными: в одном случае отражатели не развернулись должным образом в нужное положение, а в другом — плотная облачность над тестовым городом не позволила убедительно продемонстрировать возможности проекта. Его амбициозная суть может показаться связанной с широким спектром паноптических практик, разработанных за последние 200 лет. Иными словами, он указывает на важное значение, придававшееся освещённости в первоначальной бентамовской модели паноптикума, которая призывала залить пространство светом для устранения теней и приравнять эффективность контроля к полной прозрачности для наблюдателя. Но вот уже несколько десятилетий новые виды спутников выполняют гораздо более сложные операции по действительному наблюдению и накоплению информации. Модернизированный паноптизм распространился далеко за пределы длин волн света видимого диапазона на другие части спектра, не говоря уже о разнообразных неоптических сканерах, тепловых и биологических датчиках. Спутниковый проект, возможно, лучше понимать как

продолжение более утилитарных практик, начало которым было положено в XIX веке. Вольфганг Шивельбуш в своей истории светотехники показывает, как широкое распространение городских уличных фонарей к 1880-м гг. достигло двух взаимосвязанных целей: оно уменьшило давние страхи людей по поводу разнообразных опасностей, связанных с ночной темнотой, и раздвинуло временные рамки, что, следовательно, привело к увеличению прибыльности многих видов экономической деятельности [Schivelbusch 1988]. Освещение ночной темноты было символической демонстрацией того, что апологеты капитализма обещали на протяжении всего XIX века, — двойной гарантии безопасности и расширения возможностей для процветания, предположительно улучшавшей структуру социального существования для каждого. В этом смысле триумфальное установление мира 24/7 — реализация этого более раннего проекта, но такая, при которой преимущества и процветание достаются в основном могущественной глобальной элите.

Режим 24/7 неуклонно подрывает различия между днём и ночью, светом и тьмой, деятельностью и отдыхом. Это зона нечувствительности, амнезии, зона того, что подавляет возможность переживания. Перефразируя Мориса Бланшо, это и сама катастрофа, и её последствия, которые характеризуются пустым небом, где не видно ни звёзд, ни знаков, где теряются все точки опоры и ориентация невозможна [Blanchot 1995: 48–50]. Точнее, это что-то вроде чрезвычайного положения, когда среди ночи, как будто бы в ответ на некие чрезвычайные обстоятельства, внезапно включается батарея прожекторов, но так и не выключается, превращаясь в привычное постоянное явление. Планета переосмысливается как площадка для безостановочного трудового процесса или как постоянно открытый торговый центр с бесконечным разнообразием возможностей, вариантов выбора и шансов попробовать что-то новенькое. Бессонница — это состояние, при котором производство, потребление и отбрасывание использованного происходят без пауз, ускоряя утомление жизнью и истощение ресурсов.

Несмотря на то что сон — главное оставшееся препятствие (по сути, последним из того, что Маркс называл естественными преградами) на пути к полной реализации капитализма в стиле 24/7, его нельзя устранить совсем. Но его можно изуродовать и разграбить, и, как показывают открывшие книгу примеры, методы и мотивации для осуществления этой атаки уже наготове. Разрушение сна неотделимо от продолжающегося демонтажа социальных гарантий в других сферах. Подобно тому как всеобщий доступ к чистой питьевой воде подвергся целенаправленному уничтожению во всём мире в результате загрязнения и приватизации с сопутствующей монетизацией бутилированной воды, нетрудно представить аналогичное конструирование дефицита в отношении сна. Все посягательства на него создадут условия бессонницы, при которых сон надо покупать (хотя платить придётся за химически изменённое состояние, лишь отчасти приближающееся к настоящему сну). Статистика стремительного роста употребления снотворных показывает, что в 2010 г. примерно 50 миллионам американцев были прописаны такие средства, как «Ambien» или «Lunesta», и ещё много миллионов купили безрецептурные препараты от бессонницы. Но было бы ошибкой видеть в этом улучшение нынешних условий, позволяющее людям спать здоровым сном и просыпаться отдохнувшими. На данный момент даже менее жёстко организованный мир вряд ли избавит нас от бессонницы. Она приобретает своё историческое значение и свою специфическую аффективную структуру в зависимости от внешних по отношению к ней коллективных переживаний и ныне неотделима от многих других форм угнетения и социального упадка, имеющих место по всему миру. Как индивидуальное бедствие в нашем настоящем она — продолжение общего состояния безмирности (*worldlessness*).

Философ Эммануэль Левинас — один из нескольких мыслителей, которые пытались постичь значение бессонницы в контексте истории последних десятилетий². Бессонница, утверждает он, это способ представить себе крайнюю проблематичность индивидуальной ответственности перед лицом ката-

² См. некоторые из многих его обсуждений бессонницы: [Levinas 1998; 2001].

строф нашей эпохи. Повсеместная очевидность бессмысленного насилия и причиняемых им человеческих страданий — это часть модернизированного мира, в котором мы живём. Очевидность во всех её смешанных формах — яркий свет, который должен до основания потрясти любую самоуспокоенность, исключить мирную рассредоточенность любого сна. Бессонница соответствует необходимой бдительности, отказу игнорировать ужас и несправедливость, охватившие мир. Это тревожная попытка избежать невнимания к мучениям другого, но также и тревога перед лицом разочарывающей неэффективности этики бдительности; акт свидетельствования, однообразие которого легко может стать продолжением ночи, катастрофы. Бессонница не является ни чем-то публичным, ни полностью частным. Для Левинаса она всегда парит между эгоцентризмом и радикальной деперсонализацией; она не исключает заботы о другом, но не помогает создать чёткое ощущение пространства для присутствия этого другого. Это то место, где мы сталкиваемся с почти полной невозможностью жить гуманно. Ибо бессонницу следует отличать от беспрестанного бодрствования, которое создавало бы почти невыносимое внимание к страданиям и безграничную ответственность.

Мир 24/7 — это расколдованный мир с его искоренением тени и тьмы и чередования времён. Это мир, идентичный самому себе, мир с самым поверхностным прошлым и, следовательно, принципиально лишённый призраков. Но однородность этого настоящего — результат фальшивой яркости, претендующей на то, чтобы распространиться повсюду и исключить любую тайну или непознаваемость. Мир 24/7 создаёт видимость эквивалентности между существующим и непосредственно доступным или готовым к использованию. Призрачное — это в некотором роде вторжение в настоящее или нарушение его чем-то из другого времени, тенями того, что не было стёрто модерном, тенями жертв, которые не будут забыты, несвершившимся освобождением. Режим 24/7 может нейтрализовать или поглотить многие неприятные моменты подобного возвращения, потенциально способные подорвать реальность и идентичность настоящего и его видимую самодостаточность. Одно из самых пронизательных размышлений о месте призрачного в освещённом мире без дня и ночи — фильм Андрея Тарковского «Солярис» (1972). Это история о нескольких учёных на космическом корабле, вышедшем на орбиту далёкой загадочной планеты, чтобы наблюдать за происходящими на ней событиями для выявления возможных несоответствий с действующей научной теорией. Для обитателей ярко освещённой искусственной среды космической станции бессонница — хроническое состояние. В обстановке, не совместимой с отдыхом или уединением, когда каждый из них всё время на виду, в овеществлённом состоянии, когнитивный контроль ломается. В таких экстремальных условиях человек не только галлюцинирует, к нему являются призраки, которые в фильме называются гостями. Сенсорная бедность обстановки космической станции и исчезновение суточного цикла ослабляют психологическую хватку индивида над стабильным настоящим, разрешая сновидению как носителю памяти переместиться в жизнь бодрствования. Для Тарковского эта близость призрачного, близость живой силы памяти оказывается тем, что позволяет оставаться человеком в нечеловеческом мире и переносить бессонницу и жизнь на виду. Заняв своё место в узком пространстве культурного эксперимента в Советском Союзе начала 1970-х, «Солярис» показывает, что признать и подтвердить эти призрачные возвращения после их упорного отрицания и подавления — путь к достижению свободы или счастья.

Одно из течений современной политической теории рассматривает жизнь на виду как один из фундаментальных или трансисторических аспектов того, что всегда составляло человеческую личность. Личность не является чем-то автономным или самодостаточным, её нельзя понять иначе, как в связи с тем, что находится вне её, в связи с инаковостью, с которой она сталкивается³. Только в состоянии уязвимости можно открыться к зависимостям, которыми живёт общество. Тем не менее сейчас мы находимся в том историческом моменте, когда само по себе состояние открытости миру оказалось оторвано от его связи с общественными формами, которые предлагали хотя бы условные гарантии

³ См., например: [Nancy 1991].

или заботу. Особенно актуально для нас исследование этих проблем в работах Ханны Арендт. На протяжении многих лет она использовала метафоры света и видимости в своих теориях о том, что же необходимо для существования сколько-нибудь содержательной политической жизни. Чтобы личность могла иметь политический вес, необходимы баланс, постоянное перемещение между яркой, даже ослепляющей открытостью общественной деятельности и защищённой, укрытой от посторонних глаз сферой домашней или частной жизни, то есть того, что она называет тьмой потаённого и утаиваемого. В другом месте она говорит о «светотени, скудно озаряющей нашу интимную приватную жизнь». Без этого пространства или времени уединения, вдали от «блеска, каким постоянное присутствие других людей заливают публичное пространство», не может быть и речи о возвращении уникального «я», того «я», которое могло бы вносить содержательный вклад в обсуждение общего блага.

Для Арендт личная сфера — нечто отличное от индивидуального стремления к материальному счастью, когда «я» определяется через приобретательство, через то, что оно потребляет. В книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*» Арендт подробно рассматривает эти две сферы с точки зрения ритмического баланса между истощением и регенерацией: истощением, возникающим в результате труда или активности в мире, и регенерацией, которая регулярно происходит в замкнутой и затенённой домашней обстановке. Арендт прекрасно осознавала, что её модель взаимоподдерживающих отношений между общественным и частным лишь изредка актуализировалась исторически. Но она видела, что самой возможности такого баланса серьёзно угрожает рост экономики, в которой во всяком предмете видят бросовый товар и расходуют, и снова выбрасывают вещи почти сразу по их появлению в мире, что делает невозможным какое-либо совместное признание общих интересов или целей. В разгар холодной войны 1950-х гг. у неё хватило проницательности сказать: «<...> К учреждению совершенного общества потребителей путь ещё далёк. Ибо живи мы действительно в таком обществе потребления, мы бы вообще уже не были обитателями никакого мира, безмирно гонимые процессом, в круговращении которого вещи <...> появлялись бы и исчезали» [Arendt 1958: 134]. В меньшей степени она осознавала, какое отчуждение вызывают у большинства людей общественная жизнь и сфера работы.

Существует множество всем знакомых связанных с этим высказываний: «<...> От единого зренья нас, Боже, / Спаси, и от сна Ньютонова тоже!»⁴ Уильяма Блейка; «наши самые возвышенные способности погружаются в кошмарный сон» Карлейля; «сон всю жизнь маячит вблизи от наших глаз» Эмерсона и «Спектакль <...> выражает лишь только желание [общества] спать» Ги Дебора. Несложно было бы подобрать сотни других примеров подобных перевёрнутых характеристик относящейся к *бодрствованию* части современного социального опыта. Образы общества спящих рождаются у левых и у правых, в высокой культуре и низкой, постоянно присутствуют в кинематографе — от «Калигари» до «Матрицы». Общим для этих образов массового сомнамбулизма является предположение об ослабленной или сниженной способности *восприятия* в сочетании с рутинизированным, привычным или напоминающим состояние транса поведением. Обычный постулат традиционной социальной теории говорит о том, что современные люди живут и действуют, по крайней мере, время от времени, в состоянии, которое категорически не похоже на сон, — в состоянии самосознания, когда человек способен оценивать события и информацию в качестве рационального и объективного участника общественной или гражданской жизни. Любые взгляды, представляющие людей лишёнными свободы воли пассивными автоматами, открытыми для манипуляций или управления поведением, как правило, считаются редукционистскими или безответственными.

В то же время распространённые представления о политическом пробуждении считаются не менее проблематичными, поскольку подразумевают внезапный и иррациональный процесс, похожий на обращение в новую веру. Достаточно вспомнить главный предвыборный лозунг нацистской партии на-

⁴ Стихотворение «Грозный Лос». Перев. В. Потаповой. В кн.: Блейк У. 1978. *Стихи*. М.: Художественная литература. С. 225. — *Примеч. ред.*

чала 1930-х гг.: «Deutschland Erwache!» («Германия, проснись!»). Исторически более отдалённый пример — послание апостола Павла к римлянам: «<...> Зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна <...> Отвергнем дела тьмы и облечёмся в оружия света» (Рим. 13: 11–12). Или более свежий и предсказуемый призыв противников Чаушеску в 1989 г.: «Проснись, румын, от мертвенного сна, в который тебя погрузили тираны». Политические и религиозные пробуждения обычно формулируются в терминах восприятия как вновь обретенная способность различать сквозь пелену истинное положение вещей, видеть перевернутый мир под единственно правильным углом зрения или восстановить утраченную истину, которая становится отрицанием того, от чего происходит пробуждение. Пробуждение — это озарение, ломающее убаюкивающий комфорт рутинного существования, восстановление подлинности, противостоящей немой пустоте сна. В этом смысле пробуждение — это форма децизионизма и переживание искупительного момента, который, кажется, нарушает историческое время, когда индивид претерпевает преобразующую его встречу с ранее неизвестным будущим. Но вся категория фигур и метафор становится неуместной перед лицом глобальной системы, которая никогда не спит, будто для того, чтобы никакое потенциально опасное пробуждение не оказалось необходимым или актуальным. Если что-то и сохранилось от иконографии рассвета и восхода солнца, так это то, что Ницше определил как сформулированное Сократом требование «возжечь против тёмных вожделений раз и навсегда <...> дневной свет разума»⁵ [Nietzsche 1968: 33]. Но со времён Ницше произошло крупномасштабное и необратимое перемещение человеческого разума в круглосуточное действие информационных сетей и бесконечную передачу света по оптоволоконным линиям связи.

Как ни парадоксально, сон — это фигура субъективности, на которую власть может воздействовать с наименьшим политическим сопротивлением, и в то же время состояние, которое по большому счёту не может использоваться или контролироваться извне и уклоняется от выполнения требований глобального общества потребителей. Таким образом, вряд ли нужно говорить, что многие клише в социальном и культурном дискурсе зависят от монолитного или пустого понимания сна. Морис Бланшо, Морис Мерло-Понти и Вальтер Беньямин — лишь некоторые из мыслителей XX века, задумавшиеся о глубокой неоднозначности сна и невозможности включить его в какую-либо бинарную схему. Ясно, что сон необходимо понимать в связи с различиями между личным и общественным, между индивидуальным и коллективным, но всегда с учётом их проницаемости и близости. Суть моей аргументации состоит в том, что в контексте нашего собственного настоящего сон может символизировать неустранимость социального и быть аналогичен другим линиям обороны, где общество могло бы встать на свою защиту. Сохранение сна как самого приватного, самого уязвимого состояния, общего для всех, в решающей степени зависит от общества.

В «Левиафане» Томаса Гоббса одним из ярких примеров уязвимости человека в естественном состоянии является незащищённость отдельного спящего перед лицом многочисленных хищников и других опасностей, грозящих ему еженощно. Отсюда одна из самых элементарных обязанностей общества — обеспечить безопасность спящего, не только от реальных угроз, но и, что не менее важно, от тревоги о них. Защита спящего, обеспечиваемая обществом, происходит в рамках более широкой перестройки социальных взаимосвязей между безопасностью и сном. В начале XVII века ещё сохранялась воображаемая иерархия, в рамках которой сверхчеловеческие качества господина или суверена, чья способность всеведения, по крайней мере, символически, не страдала даже во сне, отличались от соматических инстинктов обычного трудового люда. Однако в «Генрихе V» Шекспира и в «Дон Кихоте» Сервантеса можно найти как артикуляцию, так и выхолащивание этой иерархической модели. Для короля Генриха актуально различие не просто между сном и бодрствованием, но и между перцептивной бдительностью, поддерживаемой в течение «ночей бессонных адских», и здоровым сном «с головой

⁵ Цит. по: Ницше Ф. 2009. Проблема Сократа. В изд.: Ницше Ф. *Пол. собр. соч.: В 13 т. Т. 6*. М.: Культурная революция; 26. — *Примеч. ред.*

порожней», доступным бедняку⁶. Санчо Панса делит мир на тех, кто, как он сам, рождён, чтобы спать, и тех, кто, как его хозяин, рождён, чтобы сохранять бдительность. В обоих текстах, даже несмотря на то что обязательства, связанные с высоким рангом, внешне остаются в силе, присутствует параллельное осознание того, что эта патерналистская модель бдительности устарела и сохраняется лишь формально.

Книга Гоббса — важный показатель трансформации как гарантий безопасности, так и потребностей спящего. Новые виды опасностей пришли на смену тому, что грозило Генриху или хозяину Санчо Пансы, и защита от них организуется на договорной основе, больше не связанной с естественным порядком земных и небесных рангов. Великие первые буржуазные республики, подобно воображаемому содружеству Гоббса, были закрытыми в том смысле, что существовали для удовлетворения потребностей имущих классов. Таким образом, безопасность, предлагаемая спящему, состоит не только в физической или телесной безопасности, но и в защите собственности и имущества во время сна. Кроме того, потенциальная угроза мирному сну класса собственников исходит от бедных и неимущих, тогда как люди самого низшего положения, вплоть до последнего раба, в полной мере включались в число спящих, покой которых должен был оберегать король Генрих. Взаимосвязь между собственностью и правом или привилегией спокойного сна берёт начало в XVII веке и остаётся в силе до сих пор, в городе XXI века. Сегодня общественные места тщательно спланированы для недопущения сна (с автоматически заложенной в это жестокостью); например, зазубренная конструкция скамеек и других приподнятых поверхностей, которая не позволяет человеческому телу прилечь на них. Повсеместное, но игнорируемое обществом явление городской бездомности связано со множеством лишений, но мало какое из них ощущается более остро, чем риски и опасности сна без крыши над головой.

В более широком смысле, однако, договор, который должен был предлагать защиту для каждого, имущего и неимущего, давно разорван. Распространение повсюду условий, которые Арендт определила как отсутствие пространства или времени, подходящих для покоя и восстановления сил, мы обнаруживаем у Кафки. «Замок», «Нора» и другие тексты раз за разом передают ощущение бессонницы и обязательной бдительности, сопровождающие современные формы изоляции и отчуждения. В «Замке» старая модель защиты со стороны суверена переворачивается с ног на голову: беспорядочная бдительность и изнуряющее бодрствование Землемера указывают на его низкое положение и ничтожность перед лицом дремлющих чиновников замковой бюрократии. «Нора» — история животного существования, сведённого к навязчивой и тревожной погоне за самосохранением, одно из самых мрачных литературных изображений жизни как одиночества, отрезанного от всякой взаимности. Это мрачная перспектива человеческой жизни в отсутствие общины или гражданского общества, находящаяся на максимальном удалении от коллективных форм жизни в тогда ещё недавно появившихся кибуцах, которые так привлекали Кафку.

Ужасающая реальность недостатка защиты или безопасности для тех, кто больше всего в ней нуждается, во всём своём кошмаре проявилась во время катастрофы на химическом заводе в Бхопале в Индии (1984 г.). Вскоре после полуночи 1 декабря в результате утечки высокотоксичного газа из плохо содержавшегося резервуара для хранения погибли десятки тысяч жителей прилегающих районов, большинство из них — во сне. Ещё многие тысячи человек скончались в последующие недели и месяцы, ещё большее число понесли необратимый ущерб для здоровья и стали инвалидами. Бхопал остаётся ярким свидетельством несоответствия между корпоративной глобализацией и возможностью обеспечения безопасности и устойчивого развития человеческих сообществ. В течение десятилетий, прошедших с 1984 г., продолжающееся отрицание компанией Union Carbide какой-либо ответственности и необходимости восстановления справедливости для жертв подтверждает, что катастрофа сама по

⁶ Перевод Е. Бируковой. Цит. по: Шекспир У. 1959. *Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5.* Изд-во «Искусство»; акт 4, сцена 1. — *Примеч. ред.*

себе не может быть выдана за несчастный случай; в контексте корпоративных операций эти жертвы по определению были чем-то незначительным. Конечно, последствия инцидента были бы не менее ужасающими, если бы он случился днём, но тот факт, что это произошло ночью, подчёркивает уникальную уязвимость спящего в мире, из которого исчезли давние социальные гарантии или где они были серьёзно ослаблены. Вокруг проблемы сна объединяется целый ряд фундаментальных предположений относительно сплочённости в социальных отношениях; например, в том, что касается взаимосвязи между уязвимостью и доверием, между открытостью миру и заботой. Решающее значение имеет то, что сон, с его оживляющей беззаботностью, с его временным «забвением зла», свободой от страхов, зависит от защиты со стороны других [Barthes 2005: 37]. По мере того как коррозия сна усиливается, становится яснее, почему забота, необходимая спящему, качественно не отличается от защиты, которая требуется при более очевидных и острых формах социальных страданий.

Литература

- Arendt H. 1958. *The Human Condition*. Chicago, IL: University of Chicago; см. также рус. перев.: Арендт Х. 2000. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
- Barthes R. 2005. *The Neutral* (transl. by R. E. Krauss, D. Hollier). New York: Columbia University Press.
- Blanchot M. 1995. *The Writing of the Disaster* (transl. by A. Smock). Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Boltanski L., Chiapello E. 2005. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso Press; см. также рус. перев.: Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Brennan T. 2003. *Globalization and Its Terrors: Daily Life in the West*. London: Routledge.
- Levinas E. 1998. *Otherwise than Being* (transl. by A. Lingis). Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Levinas E. 2001. *Existence and Existents* (transl. by A. Lingis). Pittsburgh, PA: Duquesne University Press; см. также рус. перев.: Левинас Э. 2000. *От существования к существующему*. В изд.: Левинас Э. 2000. *Избранное. Тотальность и бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга; 7–64.
- Mayer J. 2008. *The Dark Side*. New York: Doubleday.
- Nancy J.-L. 1991. *The Inoperative Community*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press; см. также рус. перев.: Нанси Ж.-Л. 2009. *Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей.
- Nietzsche F. 1968. *Twilight of the Idols* (transl. by R. J. Hollingdale). London: Penguin.
- Schivelbusch W. 1988. *Disenchanted Night: The Industrialization of Light in the Nineteenth Century* (transl. by A. Davies). Berkeley, CA: University of California Press.

NEW TRANSLATIONS

Jonathan Crary

24/7. Late Capitalism and the Ends of Sleep (an excerpt)

CRARY, Jonathan —
Meyer Schapiro Professor
of Modern Art and Theory
at Columbia University in
New York. Address: 826
Schermmerhorn Hall, 1190
Amsterdam Ave, New York,
NY 10027, USA.

Email: [jkc4 at columbia dot edu](mailto:jkc4@columbia.edu)

Abstract

24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep explores some of the ruinous consequences of the expansion of non-stop processes of twenty-first-century capitalism. The marketplace now operates around the clock, pushing us into constant activity and eroding forms of community and political expression, damaging the fabric of everyday life.

In his book, Crary examines how this interminable non-time blurs any separation between an intensified, ubiquitous consumerism and emerging strategies of control and surveillance. He describes the ongoing management of individual attentiveness and the impairment of perception within the compulsory routines of our contemporary technological culture. At the same time, he shows that human sleep—a restorative withdrawal that is intrinsically incompatible with 24/7 capitalism—points to other more formidable and collective refusals of world-destroying patterns of growth and accumulation.

The Journal of Economic Sociology will publish the first chapter of this book, which engages in a discussion of the reasons for sleep erosion and its connection to the dynamics of modern capitalism. Crary also alludes to the main threats of the 24/7 world and the possible human consequences.

References

- Arendt H. (1958) *The Human Condition*, Chicago, IL: University of Chicago.
- Barthes R. (2005) *The Neutral* (transl. by R. E. Krauss, D. Hollier), New York: Columbia University Press.
- Blanchot M. (1995) *The Writing of the Disaster* (transl. by A. Smock), Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Boltanski L., Chiapello E. (2005) *The New Spirit of Capitalism*, London: Verso Press.
- Brennan T. (2003) *Globalization and Its Terrors: Daily Life in the West*, London: Routledge.
- Levinas E. (1998) *Otherwise than Being* (transl. by A. Lingis), Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Levinas E. (2001) *Existence and Existents* (transl. by A. Lingis), Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Mayer J. (2008) *The Dark Side*, New York: Doubleday.
- Nancy J.-L. (1991) *The Inoperative Community*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Nietzsche F. (1968) *Twilight of the Idols* (transl. by R. J. Hollingdale), London: Penguin.

Schivelbusch W. (1988) *Disenchanted Night: The Industrialization of Light in the Nineteenth Century* (transl. by A. Davies), Berkeley, CA: University of California Press.

Received: November 5, 2021

Citation: Crary J. (2021) 24/7. Pozdny kapitalizm i tseli sna [Late Capitalism and the Ends of Sleep (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 40–54. doi: 10.17323/1726-3247-2021-5-40-54 (in Russian).